

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Красная Москва

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Красная Москва / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-228635-3

В послевоенной Москве, в роскошной квартире, заставленной трофейным фарфором, лежит убитый ювелир. На виске — аккуратная дырочка. На столе — пачки денег и золотые украшения. И никому не приходит в голову, что...

ЭТО — МЕСТЬ.

Убийца не взял ни копейки. Он забрал только жизнь. И это уже пятый труп с той же визитной карточкой — идеальным выстрелом в висок. Все жертвы — спекулянты, нажившиеся на народном горе. В городе орудует...

НЕВИДИМЫЙ МСТИТЕЛЬ.

Расследование ведет следователь МУРа Аркадий Никитин, но в Управлении считают дело тупиковым — сами виноваты, барыги. Но Никитин, хромой ветеран, чувствует иначе. Он знает, что за каждым выстрелом стоит своя правда. Во многом потому, что он сам прошел через ад войны и

ЖИВЕТ ПО ЗАКОНАМ ЧЕСТИ...

Единственная ниточка — едва уловимый запах дорогих духов в ванной и внезапно объявившаяся дочь жертвы, прекрасная Варвара. Чтобы выйти на убийцу, Никитину предстоит найти тонкую грань между правдой и ложью. И его главный вопрос уже не «кто?», а

ПРАВ ЛИ ТОТ, КТО УБИВАЕТ?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228635-3

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

КРОВАВЫЙ СЛЕД

Москва встречала март сорок девятого года пронзительным ветром, который гнал по улицам обрывки газет и пыль с разбитых кирпичей. Город словно медленно приходил в себя после долгого кошмара, но раны еще кровоточили. Там, где раньше стояли дома, зияли черные провалы, а между уцелевшими зданиями протягивались временные деревянные мостки и заборы. Люди спешили по тротуарам, кутаясь в поношенные пальто, избегая смотреть друг другу в глаза. В воздухе висело то особое напряжение послевоенного времени — смесь надежды на лучшее и страха перед завтрашним днем.

Следователь Аркадий Никитин стоял у окна своего кабинета на втором этаже милицейского отделения на Петровке и наблюдал за этой картиной. Его правая рука опиралась на потертую рукоять трости — верную спутницу уже два года, с тех пор как осколок под Кенигсбергом раздробил ему берцовую кость. Левая рука держала дымящуюся папиросу «Беломор», которой он медленно затягивался, морщась от привычного покашливания.

За спиной, на столе, лежала стопка дел, но внимание Никитина было приковано к одной тонкой папке. На обложке неровным почерком было написано: «Дело о серийных убийствах. Март 1947 — январь 1949 г.». Это был старый «висяк», который перешел к нему от прежнего следователя. До него был парень молодой, неопытный, и его сняли с должности. Дело передали Никитину. За неполных три года в этой папке скопилось уже четыре протокола осмотров мест происшествий, и каждый из них рассказывал об одном и том же — о дерзких налетах неизвестных преступников.

Никитин затушил папиросу в переполненной пепельнице и, хромая, подошел к столу. Раскрыв папку, он в который раз перечитал первый протокол. Двенадцатое марта 1947 года, около одиннадцати вечера. Квартира бывшего начальника вещевого и продовольственного снабжения воинской части Рудольфа Боткина в Замоскворечье. Хозяина нашли утром соседи — лежал в прихожей с простреленной головой. Квартира была перевернута вверх дном, но вот что странно: золотые украшения и денежные сбережения оказались нетронутыми. Радиоприемник и прочие ценности также остались нетронутыми.

Следующее дело — пятнадцатое августа 1947 года. Владелец подпольного цеха по пошиву обуви Николай Поляничко. Его обнаружили в собственной мастерской с дыркой в голове. Наличные деньги, инструменты, готовая обувь, даже дорогая швейная машинка — все осталось на месте.

Восемнадцатое февраля 1948 года — квартира торговца мехами Марата Тахирова. Двадцать первое января 1949 года — склад «цеховика» Геннадия Стернина. Везде одна и та же картина: жертвы убиты быстро и профессионально, выстрелом в висок из пистолета ТТ. Ценности нетронуты, никаких случайных свидетелей.

Никитин прошелся по кабинету, опираясь на трость. Каждый шаг отдавался тупой болью в ноге, но он давно привык не обращать на это внимания. Гораздо больше его беспокоило то, что за все это время не удалось найти ни одной зацепки. Словно убийцы растворялись в воздухе, оставляя после себя только трупы.

В дверь постучали. Никитин обернулся и увидел своего помощника, младшего лейтенанта Орлова — молодого парня, которого направили к нему после окончания милицейской школы.

— Аркадий Петрович, — сказал Орлов, входя в кабинет, — у нас еще одно. Похоже, из той же серии. На Арбате.

Никитин вздохнул и потянулся за пальто.

— Что на этот раз?

— Ювелир Розенштейн. Нашли час назад в своей мастерской. Выстрел в голову, сейф нетронут. Ни гильзы, ни пули.

— Свидетели?

— Как всегда, никого. Мастерская в подвале, соседи ничего не слышали.

Никитин накинул потертую пальто и взял трость. За окном начинал накрапывать дождь, превращая мартовский снег в серую кашу.

— Поехали, — буркнул он и направился к двери.

Дорога до Арбата заняла полчаса. Орлов вел «Победу» по разбитым мостовым, объезжая ямы и лужи. Никитин молчал, погруженный в свои мысли. Пятое убийство состоятельного гражданина за два года. Если так пойдет и дальше, скоро в городе начнется паника среди спекулянтов и «цеховиков». А начальство уже сейчас оказывает давление — требует результатов.

Мастерская ювелира располагалась в полуподвале старого особняка. К входу вела узкая лестница, которую уже оцепили милиционеры. Никитин медленно спустился вниз, держась за перила. Нога ныла от сырости, но он стиснул зубы и продолжил спуск.

Внутри мастерской царил привычный хаос. Столы с инструментами перевернуты, ящики с драгоценностями вывернуты наружу, а сами ювелирные изделия, как и всякие бумаги, раскиданы по полу. У дальней стены лежало тело — мужчина лет шестидесяти в окровавленной рубашке.

— Эксперт уже осматривал? — спросил Никитин у дежурного сержанта.

— Да, товарищ следователь. Убили между одиннадцатью и полуночью. Одним выстрелом в висок.

Никитин подошел к сейфу. Дверца заперта. Замок цел. Никаких следов попытки взлома.

— Не пойму, зачем тогда надо было убивать? — пробормотал Никитин. — Соседи что говорят?

— В доме живут две старушки на первом этаже, — ответил сержант. — Обе глухие как пни. Ничего не слышали.

— А свет в мастерской? Кто-нибудь видел?

— Нет, товарищ следователь. Окна выходят во двор, там ночью никого не бывает.

Никитин осмотрел помещение более внимательно. Как и в предыдущих случаях, преступники действовали быстро и целенаправленно. Они точно знали, где находится их жертва и как проникнуть в жилище незамеченными. Это говорило о том, что у них была полная информация о жертвах.

— Виктор, — обратился он к Орлову, — проверь, не было ли у Розенштейна связей с предыдущими жертвами. Может быть, общие знакомые, деловые партнеры.

— Уже думал об этом, — кивнул младший лейтенант. — Во время войны все они в той или иной степени имели отношение к хранению и выдаче продуктов и обмундирования. А после войны крутились в одной среде — подпольная торговля, спекуляция. Наверняка пересекались.

— Значит, кто-то знал их всех достаточно хорошо, чтобы планировать убийства. — Никитин закурил очередную папиросу и сделал глубокую затяжку. — Нужно составить список их общих контактов.

Осмотр места происшествия занял еще час. Никитин тщательно изучил каждый угол мастерской, но, как и ожидалось, особых зацепок не нашел. Убийцы работали чисто — никаких отпечатков пальцев,

никаких забытых предметов, никаких следов, которые могли бы привести к ним.

Когда они вернулись в отделение, на улице уже стемнело. Никитин поднялся в свой кабинет и снова уселся за стол с папкой дела. Орлов принес чай в мутных стаканах и устроился напротив.

— Аркадий Петрович, — сказал он после паузы, — а что, если это не банда?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, все убийства очень похожи. Один и тот же почерк, одна и та же манера. Может быть, это один человек?

Никитин задумался, медленно потягивая горячий чай.

— Возможно. Но тогда это должен быть очень умный и ловкий человек. И с отличной физической подготовкой.

— Может быть, фронтовик? — предположил Орлов. — Многие вернулись с войны... как бы это сказать... не такими, какими уходили.

Никитин бросил на него острый взгляд. Сам он прекрасно знал, как война меняет людей. Видел, как боевые товарищи превращались в тени самих себя, как одни находили спасение в водке, а другие — в жестокости.

— Проверь по картотеке, — сказал он наконец. — Фронтовики с криминальным прошлым или склонностью к насилию. Особенно тех, кто служил в разведке или диверсионных подразделениях.

— Будет сделано.

Они работали до поздней ночи, сопоставляя факты и строя версии. Никитин несколько раз выходил на лестничную площадку покурить — в кабинете становилось душно от табачного дыма. За окнами Москва постепенно засыпала, но в милицейском отделении кипела работа. В соседних кабинетах тоже горел свет — послевоенное время не давало покоя никому.

Около полуночи Орлов ушел домой, а Никитин остался один. Он снял ботинки, откинулся в кресле и закрыл глаза. Нога продолжала ныть, а в груди першило от постоянного курения. Врачи предупреждали, что надо беречься, но как тут побережешься, когда на улицах происходит такое?

Он думал о жертвах. Все они были не самыми приятными людьми — спекулянты, барыги, подпольщики. Но это не давало никому права убивать их. И тем более делать это с такой хладнокровной жестокостью.

В три часа ночи Никитин окончательно уснул прямо в кресле, и ему приснилась война. Он снова был в окопах под Кенигсбергом, слышал свист снарядов и крики раненых. А потом взрыв, боль в ноге и долгое забытие в госпитале. Проснулся он от звонка телефона.

— Никитин слушает, — хрипло произнес он в трубку.

— Аркадий Петрович, это дежурный. У нас снова труп. На Тверской.

Никитин посмотрел на часы — половина седьмого утра. За окном уже светало.

— Еду, — сказал он и начал натягивать ботинки.

Шестое убийство. Банда становилась все наглее.

ГЛАВА 2

БАНДА БЕЗ ЛИЦА

Тверская улица встретила Никитина серым светом и привычной суетой раннего утра. Несмотря на ранний час, на тротуарах уже появились первые прохожие — рабочие спешили на заводы, служащие — в учреждения. Город просыпался, не подозревая, что этой ночью в его сердце снова пролилась кровь.

«Победа» остановилась у трехэтажного дома в самом центре улицы. Никитин с трудом выбрался из машины — после ночи в кресле нога затекла окончательно, и каждый шаг давался с болью. Орлов уже ждал его у подъезда, держа в руках протокол.

— Что имеем? — спросил Никитин, прикуривая очередную папиросу.

— Валерий Краснов, пятьдесят два года, — доложил младший лейтенант. — Занимался перепродажей импортных товаров. Соседи говорят, что к нему часто приходили покупатели — и днем и ночью.

— Где нашли?

— В квартире на втором этаже. Убит выстрелом в висок из пистолета ТТ. Квартира обыскана, исчезли деньги, документы. Судя по сильному запаху в ван-

ной, преступник также второпях забрал с собой что-то из женской парфюмерии.

Никитин нахмурился. Опять все тот же пистолет ТТ. И снова выстрел в висок. Словно бандиты нарочно повторялись, чтобы у милиции не возникало сомнений, что это все дело рук одних и тех же убийц.

— Один выстрел?

— Да. Эксперт уже осматривал. Стреляли почти в упор.

Они поднялись на второй этаж. Дверь квартиры была открыта, внутри работали криминалисты. Никитин медленно прошел по комнатам, опираясь на трость. Картина была знакомой — никакого обыска, ценные вещи на месте, никаких случайных повреждений.

В спальне, поперек кровати, поверх одеяла, лежало совершенно голое тело. Голова убитого свисала. Под ней на полу застывала тягучая густо-красная лужа. Краснов был убит одним точным выстрелом в висок. Никитин присел на край широкой панцирной кровати, преодолевая боль в ноге, и внимательно осмотрел рану. Входное отверстие было аккуратным, по окружности следы пороха, на шее, плечах, спине никаких следов борьбы. Значит, убийца подошел незаметно. И, похоже, Краснова не взволновало появление убийцы в комнате. Он не повернулся к нему лицом. Не пытался оказать сопротивление. То есть он его хорошо знал и доверял?

— Если б не отсутствие оружия, из которого был произведен выстрел, я бы подумал, что это самоубий-

ство, — вслух подумал Никитин. — Соседи что-нибудь слышали?

— Выстрел — да, — ответил дежурный сержант. — Но подумали, что во дворе хлопнула дверь или упал какой-то предмет. Время точно не запомнили, но примерно между часом и двумя ночи.

— А до этого? Посторонние в доме?

— Старушка с первого этажа видела, как около полуночи к подъезду подъехала машина. Но номер не запомнила, да и марку толком не разглядела — говорит, темно было.

Никитин кивнул и продолжил осмотр. Надо было за что-то зацепиться, найти хоть намек на мотив.

— Виктор, — обратился он к Орлову, — проверь, не было ли у Краснова связей с предыдущими жертвами. И еще — узнай, кто мог знать о его записках, о драгоценностях.

Никитин стоял в огромной ванной комнате и смотрел на свое отражение в зеркале. Он втягивал ноздрями воздух, чувствуя едва уловимый запах каких-то незнакомых духов. Немного с горчинкой, крепкие. Сладковатые, дразнящие...

— Да, именно на этот запах эксперт обратил внимание, — сказал Орлов, также с шумом втягивая воздух ноздрями. — Потому и предположил, что здесь на полочке стояли духи, которые убийца прихватил с собой.

— А можно определить, как эти духи называются? — спросил Никитин. — «Красная Москва»? «Сирень»? Или, там, какая-нибудь «Фиалка»?

— Уже определили. Сейчас... — Орлов достал из кармана бумажку и по слогам прочитал: — «Мисс Ди-ор». Франция, между прочим.

— Красиво жил, — пробормотал Никитин.

Он задумался. Шесть убийств, совершенных одним способом, и во всех случаях убийцы действовали с поразительной точностью. Они знали, где живут жертвы, когда те остаются одни, знали, что они богаты, но при этом даже не пытались что-либо похитить. Это был первый случай, когда убийца наверняка прихватил с собой что-то из парфюмерии. Да, это была не случайная банда грабителей — это была организованная группа, которая действовала по заранее составленному плану.

Осмотр квартиры занял еще час. Никитин методично обследовал каждую комнату, делая заметки в блокноте. Картина постепенно прояснялась. Убийцы проникли в квартиру через балкон — защелка на балконной двери была аккуратно взломана. Значит, воспользовались пожарной лестницей. Убийство совершили хладнокровно, без лишних эмоций. При этом Краснов знал убийцу настолько, что мог находиться перед ним голым и не обернулся на звуки за спиной.

По дороге обратно в отделение Никитин молчал, обдумывая увиденное. Орлов несколько раз пытался завести разговор, но следователь только кивал в ответ. Мысли его были заняты анализом преступлений.

В кабинете Никитин разложил на столе все материалы дела. Шесть протоколов, шесть трупов, шесть

нераскрытых преступлений. Он взял лист бумаги и начал составлять сводную таблицу.

Все жертвы — мужчины среднего возраста, занимавшиеся подпольной торговлей. Все убийства совершены в ночное время, когда жертвы находились одни. Во всех случаях убийцы точно знали, кого и за что они убивают. Никаких свидетелей, никаких зацепок.

Не было и различия в способе убийств. Все жертвы были убиты выстрелом из пистолета. Это говорило о том, что банда не боялась шума и была уверена в своей безнаказанности.

— Виктор, — позвал он Орлова, — принеси мне карту города.

Младший лейтенант развернул на столе большую карту Москвы. Никитин отметил красными крестиками места всех убийств. Картина получилась любопытной — все преступления совершены в разных районах города, но в пределах Садового кольца. Словно убийцы методично обходили центр, выбирая жертв по какому-то списку.

— Смотри, — сказал Никитин, указывая на карту. — Замоскворечье, Арбат, Тверская, Пречистенка, Остоженка, Якиманка. Все районы, где живут состоятельные люди. И все в центре города.

— Значит, они хорошо знают Москву, — заметил Орлов.

— Не просто знают. Они изучили город, составили план действий. Это не случайные налеты — это спланированная операция.

Никитин отошел к окну и закурил. За стеклом шла обычная московская жизнь — люди спешили по своим делам, трамваи звенели на рельсах, дворники подметали тротуары. Но где-то в этом городе скрывались убийцы, которые с каждым днем становились все наглее.

— Знаешь, что меня больше всего беспокоит? — сказал он, не оборачиваясь. — Точность их действий. Они работают, как... как военное подразделение.

— Что вы имеете в виду?

— Разведка объекта, планирование операции, четкое распределение ролей, быстрое выполнение задачи, отход без потерь. — Никитин повернулся к помощнику. — Это военная тактика, Виктор. Кто-то применяет боевые навыки в криминальных целях.

Орлов задумался.

— Фронтвики?

— Именно. Но не простые солдаты. Кто-то из диверсионных подразделений — разведчики, диверсанты, штурмовики. Люди, которые умеют действовать в тылу врага.

Никитин вернулся к столу и взял чистый лист бумаги. Начал записывать свои соображения.

— Итак, — проговорил он вслух, — у нас есть группа из нескольких человек. Лидер — опытный военный, скорее всего офицер. Он планирует операции и руководит группой. Умеет анализировать информацию и принимать быстрые решения.

— А остальные?